

Село Курчалой

29 ноября 2000 г. представитель Правозащитного центра "Мемориал" записал в селе Курчалой рассказы жителей этого села: двух братьев Усмановых и их матери.

Рассказ Асруди Абдулхамидовича Усманова, 1966 г.р.

"Я живу в селении Курчалой, работаю в местном госхозе. Директор госхоза попросил нас перенести емкости для бензина и солярки с бывшего двора бригады на новый двор. Мы с утра 15 ноября 2000 года ушли выкапывать емкости. В начале десятого часа раздался взрыв. Мы были в полукилометре от места взрыва, как мы потом узнали. Но тогда мы ничего не поняли и продолжали работать. Вдруг началась беспорядочная стрельба. Нам пришлось присесть за трактором, чтоб уберечься от шальных пуль. Стрельба продолжалась долго, потом прогремел еще один взрыв. Спустя полчаса после этого, мы увидели, что к нам идут солдаты. Наш бригадир решил с ними поговорить, а потом продолжить работу.

Бригадир пошел к ним навстречу, сказал, что у него есть пропуск, и что мы работаем по распоряжению директора. Солдаты подозревали всех нас, раздели и осмотрели. По воскресеньям у нас в селе на этом месте бывает общественный базар. Вокруг него есть забор из бетонных плит. Нас подвели к этим плитам и заставили положить на них руки и раздвинуть ноги.

Заставив принять эту позу, солдаты начали нас избивать. Били два часа. Ничего нам не объяснили. Со мной был мой брат. Но спрашивали, в основном, меня, так как я лучше брата знал русский язык. Бригадира и другого рабочего, который постарше, спрашивали мало, но их тоже сильно избивали. Нас били сильно, особенно моего брата Усманова Сулимана, 1979 г.р., за то, что он почти не знал русского языка. Военные приговаривали при этом: "Мы тебя научим русскому языку". Нас заставляли взять на себя ответственность за взрыв, о котором мы ничего не знали. Избивая прикладами, требовали, чтобы мы признались, что подложили на дороге мину, на которой подорвался их автобус. Но мы и понятия не имели ни о какой мине. Этот автобус, оказывается, стоял там, недалеко от моста. Но мы его не видели вообще, до тех пор, пока нас не подвезли к нему.

Солдаты потребовали, чтобы я поклялся, что я не знаю тех людей, которые взорвали автобус. Я поклялся, что не знаю, кто мог это сделать. Кто-то из солдат достал плоскогубцы и зажал в них мой мизинец. Они выкручивали мне палец, угрожая сломать его, если я не скажу, кто поставил на дороге мину, причиняя мне сильную боль. (Палец мой так и остался теперь расплюснутым). После долгой пытки я перестал чувствовать свой палец и сказал им, что они могут его хоть сломать, хоть оторвать, но я теперь ничего не почувствую. И чтобы они со мной не сделали, мне нечего им сказать более, так как я не знаю ничего. Они отпустили мой палец, но продолжали издеваться над нами, избивая всех. Били нас прикладами автоматов и сапогами. При этом они твердили, что для них нет разницы, боевики мы или мирные жители (будь то трактористы или колхозники), мы все на одно лицо. Они говорили: "Все вы одинаковы, и всех вас нужно уничтожить".

По рации они связывались со своим начальством и спрашивали, что с нами делать. Мы сами слышали, как им по рации отвечали, чтоб нас расстреляли на месте. Разговор их по рации я хорошо запомнил, солдат сказал: "Мы задержали четырех человек, по подозрению во взрыве, они утверждают, что они работники госхоза и выполняют поручение директора". Было слышно, как им отвечали: "Расстрелять всех!". Но в это время к разговору по рации подключился кто-то еще и приказал: "Отставить расстрел, это пахнет трибуналом". Не знаю, кто это был, но он спас нас от расстрела.

Потом подъехали машины, нас погрузили и повезли в комендатуру села. Ехали километра два и всю дорогу нас били прикладами. Прибыли мы туда в первом часу дня. Избиение там продолжилось с новой силой. Поставив к стене, опять начали бить прикладами, дубинками и сапогами. Это, по-видимому, их излюбленный метод. Били по голове, по почкам, по животу и особенно по ногам. После таких ударов ноги не выдерживают, перестают тебя слушаться. Моя левая нога до сих пор болит. Таким способом они хотели поставить нас на колени. Я просил помощи у Аллаха, чтобы он дал мне силы и мужество - не пасть духом.

Со мной это случилось уже во второй раз. Примерно год назад я попал к ним в плен, когда заступился за женщину, которую солдаты избивали. Произошло это на окраине нашего села. Солдаты избивали женщину, я не стерпел и пошел к ним. Подходя, я крикнул: "Что вы ее бьете, что вы хотите от незащитной женщины, лучше разберитесь со мной". Тут они схватили меня, напали сразу несколько человек на одного, повалили на землю и стали топтать ногами, пока не потерял сознание. Затем они уехали, оставив лежать меня там, решив, что я мертв. Тогда у меня было поломано несколько ребер, но я не умер.

Теперь у меня после всего этого очень сильно болят почки. Сидеть долго не могу, не могу согнуться и выгнуться. Как согнусь от боли, так и остаюсь в этом положении. Обратился к врачам, но мне сказали, что пока отеки не спадут, они не смогут поставить диагноз."

Рассказ Сулимана Усманова, 1979 г.р.

"Это было в среду, 15 ноября. Мы работали в госхозе, вчетвером: я с братом, наш бригадир и еще один рабочий, который был старше нас всех. Мы услышали взрыв, он донесся со стороны моста. Что взрыв произошел именно на мосту, мы узнали гораздо позже. Это было в пятистах метрах от нас. После этого прогремело еще два взрыва, потом началась стрельба. Мы спрятались за трактором от пуль, пока стрельба не стихла.

Когда стрельба стихла, мы вышли из-за трактора. К нам подходили солдаты. Навстречу к ним пошел наш бригадир, он хотел им объяснить, кто мы такие и что мы здесь работаем. Они подозвали нас, заставили лечь на землю, раздели, осмотрели наши плечи и спины. Потом приказали встать к стене и развести руки и ноги пошире, но я не понял, чего они хотят, и заложил руки за голову. Солдаты решили, что я ослушался, передернули автомат и приставили дуло мне на грудь. Тогда я посмотрел на других, понял, в чем дело и расставил ноги. Ничего у нас не обнаружив, они начали нас избивать. Били нас часа два, те, кто еще подходил к ним, тоже начинали нас бить, как будто это была их обязанность. Они запросили еще подмогу. Из-за нас, четырех безоружных людей, еще приехало человек, наверное, сто. Когда подъехали УАЗики, они закрыли нам лица, нашими же куртками и затолкали всех в машины. По дороге нас продолжали бить.

Задержали нас в десять часов утра, а в комендатуру отвезли часов в двенадцать. По приезду избивать нас не прекращали. Через полчаса после побоев нас повели на допрос. Там тоже продолжались побои. Меня, как самого младшего, забрали первым. К тому же я плохо знаю и понимаю русский язык. Я понимал, что они спрашивают про тот взрыв. Мне предлагали по-хорошему сознаться в содеянном. Я им стал объяснять, что мы работаем в госхозе, что с нами наш бригадир. Мы ни в чем не виноваты. Они стали угрожать мне, что переправят меня в Дагестан, куда они отправляют всех обреченных. Грозилась меня расстрелять. Я им сказал, что ничего не знаю, и я не виноват во взрыве, и если хотите, расстреливайте. После этого они стали мне показывать карту, где были отмечены Гудермес, дорога через мост и справа от моста поля нашего госхоза. Но я неграмотный и не мог прочитать, что в ней написано и поэтому побоялся, что - либо сказать.

Когда я говорил, что не понимаю по-русски, и не умею говорить, мне отвечали градом ударов и словами, что они меня научат быстро русскому языку. Обучение шло под ударами сапог и прикладов. Но, в конце концов, они меня отпустили, поняв, что толку им от меня нет. Мы не знали, где мы находимся, но нам повезло, что мы оказались в комендатуре нашего села. Начальник чеченской милиции сумел добиться того, чтобы нас освободили в ту же ночь. Неизвестно, что с нами случилось бы, если бы остались там на ночь. Шрамы от побоев на лице и на голове у меня до сих пор не зажили. У меня сломаны два ребра, 7-ое и 8-ое. Почки тоже не в порядке. Я не могу ни согнуться, ни разогнуться. Врачи советуют пока подождать. У меня опухли конечности. Врачи говорят, чтобы я подождал пока это пройдет, а потом можно будет лечиться. Они подорвали не только наше здоровье, но погубили наши души. Вряд ли это когда-нибудь забудется."

Рассказ матери братьев Усмановых

"Это было 15 ноября 2000 года. Меня не было дома. Когда я пришла, ребят не застала. На мой вопрос к дочери: "Где они?", она сказала, что к ним пришли люди с госхоза и попросили помочь в переноске заправки. Они с Сулейманом ушли. Я сразу заволновалась, ведь недавно прогремел взрыв, вдруг с ними что-то случилось. У меня один сын работает с детьми, он спортивный тренер. Уже и он пришел домой, а их все нет. Прошло время обеденного и послеобеденного намазов. Тогда сын пошел искать их. Вместе с братом одного из рабочих они на машине поехали куда-то. Они уже знали, что всех рабочих задержали.

Привезли сыновей домой поздно ночью, часов в десять. Помог им Руслан Вахидов, он у моего сына в группе когда-то тренировался. Люди поговаривают, что он берет взятки, но мы ему ни копейки не давали. Когда на следующий день мы пошли его поблагодарить, он сказал, что до нас никто его не благодарил.

Увидев лица своих детей, я не сразу поняла, что это они. На них страшно было смотреть. У старшего голова распухла, глаза чуть из орбит не вылезли: один глаз в одну сторону, другой в другую. Он от головной боли с ума чуть не сходил. У обоих - кровь и на лице, и на голове. Оба распухшие, в страшных синяках, мы даже думали, что они никогда больше не придут в себя. Поначалу я подумала, что Асруди без глаз оставили. Два дня он ничего не видел, но потом, когда отек спал, он стал видеть, слава Аллаху. Они до сих пор мучаются и головной, и почечной болью. Врач, который осматривал их, сказал, что пока не спадут отеки, он не сможет поставить верный диагноз. Но сейчас у нас нет возможности даже лечить их. Потом, когда прошло два три дня выяснилось, что у них забрали деньги. У старшего в кармане были деньги - шесть - семь тысяч. У него больной сын, который получил сильные ожоги во время пожара, за неделю до этого случая. Он для него постоянно покупал лекарства, которые требовались, и потому носил в кармане такую сумму, оставшуюся от продажи машины. Зарплаты как не было, так и до сих пор нет. Нам не дают жить, не дают работать, да и за работу не платят. Ходить на работу, как видите тоже опасно, могут забрать, избить ни за что, ни про что. Что делать, как жить дальше? Не знаю!"

29 ноября 2000 г. представитель Правозащитного центра "Мемориал" записал в селе

Курчалой рассказ главы администрации села Курчалой А. Эльбиева об обстоятельствах задержания жителя села Аюбхана Магомадова:

"2-го ноября этого года проводилась "адресная зачистка" [этим термином в Чечне обозначают выборочные обыски и задержания в отдельных домах населенного пункта] в селе Курчалой.

Я как глава администрации, узнав, что в центре села проводится мероприятие, заблокировали целый квартал, я подошел, там стояло много народа. Я представился военному, и спросил его: "В чем дело?"; сказал, что хочу присутствовать при проверке. В ответ он меня послал подальше, и сказал, что если я не отойду сейчас же, то уйду простреленный. Он был в маске. Я просил вызвать старшего, он сказал: "Никакого старшего нет, пошел вон!".

После этого я пошел в комендатуру, заявил там, что меня не пускают на "зачистку". Комендант в тот день отсутствовал, был где-то на совещание, но были его заместители. Они позвонили во Временный отдел внутренних дел, там ответили, что военные уже начали "работу". Сказали также, что эти военные, скорее всего, какие-то приезжие, "залетные". Сказали, что сейчас они проверят и уйдут, ничего не случится.

Так никто ни из Временного отдела внутренних дел, ни из комендатуры туда не пошел. Хотя я их умолял, говорил, что обязательно будет ЧП: или заберут кого-то или подбросят что-нибудь. Потому что такое уже бывало. Но никто мне не помог.

Тогда я снова пошел на место происшествия. Навстречу мне бежит мать Магомадова, кричит: "Сына забрали!".

И вот сегодня 29-е ноября, а о нем до сих пор ничего неизвестно. Мы его искали везде. В районном Временном отделе внутренних дел Октябрьского района Грозного нам дали бумагу, в которой было сказано, что Магомадов был задержан по подозрению в каких-то преступлениях, но в связи с тем, что подозрения не подтвердились, его вывели из отдела и отпустили. Но домой он не пришел, и мы его не можем найти по сей день."

Справка, выданная в Октябрьском Временном отделе внутренних дел г.Грозного родственникам задержанного и затем исчезнувшего А.А.Магомадова

СПРАВКА

Дана в том, что Магомадов Аюбхан Агамович 1969 г. рождения действительно задерживался ВОВД Октябрьского РА района г.Грозный 02 октября 2000 г. в с.Курчалой ^{16.34.2000} Шалинского района IP по подозрению в совершении тяжкого преступления, однако информация по фигуранту не подтвердилась и Магомадов А.А. был освобожден 03.10.00 г. в 8 час. 30 мин. после окончания "комендантского часа".

Начальник ОП Октябрьского ВОВД
г.Грозный майор милиции
И.В. Ивановский

Мать Аюбхана Магомадова направила в Прокуратуру Чеченской Республики, начальнику Управления ФСБ Чеченской Республики и начальнику Управления внутренних дел Чеченской Республики с просьбой установить место нахождения ее сына.